

В.И. Коротких

СТРУКТУРА СУБЪЕКТА «ОПЫТА СОЗНАНИЯ» И ПУТЬ ПОСТИЖЕНИЯ ДУХА В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ: ВРЕМЯ, ИСТОРИЯ, «ВОСПОМИНАНИЕ»

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор. Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. Российская Федерация, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; e-mail: shortv@yandex.ru

Предметом исследования является значение структуры субъекта повествования (рассказчика) «Феноменологии духа» для понимания содержания базовых концептов произведения – «времени», «истории», «воспоминания». Эта структура определяется соотношением сознания автора и читателя («нашего сознания»), сознания как предмета рассмотрения («самого сознания») и его «предмета». Каждый из субъектов опыта проходит один и тот же с точки зрения логического содержания путь конституирования предметности («круг» «опыта сознания»), однако в результате феноменологического движения как целого происходит последовательное усложнение самой предметности. «Время», «история» и «воспоминание» представляют собой концепты, которые выступают в качестве универсальных предметных эквивалентов опыта, соответствующих указанным модусам субъекта повествования. В них отражается движение сознания к постижению духа как самого сложного типа предметности, которое не только определяет основной сюжет «Феноменологии», но и сохраняет свое значение для всей философии Гегеля, поскольку самосознание духа в форме «воспоминания» об этапах его становления остается основанием всех последующих системных построений философа. Необходимость признания диалогического характера «Феноменологии духа» определяется тем, что смысл повествования складывается из переключек, возникающих вследствие воспроизведения одних и тех же сюжетов опыта с разных точек зрения, в результате чего и происходит восхождение к духу и охватывающему его «воспоминанию». Анализ времени, истории и «воспоминания» как форм предметности «опыта сознания» показывает, что Гегель разработал и принципиально отличную от известного курса «Философии истории» «Феноменологию истории»: в качестве глубинного слоя исторического процесса в ней выступает не движение понятий, а движение образов сознания, воспроизводимое в «воспоминании» как историческом эквиваленте разработанной позднее «Логике».

Ключевые слова: философия Гегеля, «Феноменология духа», опыт сознания, субъект опыта, понятие бесконечности, время, история, воспоминание

Для цитирования: Коротких В.И. Структура субъекта «опыта сознания» и путь постижения духа в философии Гегеля: время, история, «воспоминание» // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 1. С. 37–50.

Вступительные замечания

Привычное представление о философских текстах как сообщениях, претендующих на статус *sub specie aeternitatis*, справедливо лишь отчасти. В действительности читатель в процессе знакомства с философскими произведениями должен учитывать не только время их возникновения и влиявшие на этот процесс обстоятельства, чему в историко-философской литературе традиционно уделяется большое внимание, но и характеристики того субъекта – рассказчика, «голос» которого в конце концов «застывает» в форме философского текста и тем самым увековечивает образ его автора и духовную атмосферу эпохи. История философии донесла до нас множество памятников, к осмыслению содержания которых можно приступить, лишь осознав, «с кем» ведешь в беседу, представив избранный или сконструированный автором образ субъекта повествования и, с другой стороны, ответив на вопрос, какая роль в его движении уготована тебе, читателю. Может быть, самыми значимыми среди подобных памятников навсегда останутся платоновские диалоги, воссоздающие образ Сократа, который на протяжении столетий становился непрменным собеседником каждого, кто обращался к изучению философии. В контексте настоящей статьи упоминание о Сократе оказывается уместным еще и потому, что образ его в диалогах Платона, как известно, эволюционировал, платоновский Сократ постепенно утрачивал исторически-конкретный и личностный характер, приобретая черты маски «лукавого вопрошателя». Подобным образом и здесь под «рассказчиком» понимается не имеющая связи с каким-либо исторически-конкретным лицом инстанция самого текста, которая специально конструируется автором «Феноменологии» для вовлечения читателя в движение «опыта сознания». В конце концов, мы решаемся на использование понятия рассказчика – субъекта опыта и фиксирующего его повествования, – с одной стороны, в силу его привычности, а с другой – потому что оно хорошо сочетается со спецификой «Феноменологии духа», в которой субъект обладает трехчастной структурой, что можно легче понять, если представить за каждым из элементов этой структуры индивидуальное лицо рассказчика; текст в этом случае предстает в качестве «диалога», раскрывающего свое содержание через воспроизведение взаимодействия трех «голосов» его участников.

Структура субъекта «опыта сознания» и динамика феноменологического повествования

«Феноменология духа» как особым образом построенное философское произведение оказывается чрезвычайно требовательной к своему читателю. «Опыт сознания» разворачивается в ней «нелинейно», что предполагает необходимость реконструировать движение содержания на основании «перекличек», которые возникают в «феноменологическом диалоге» между фрагментами текста, представляющими точки зрения разных рассказчиков. Геге-

левский замысел состоял в том, чтобы читатель, включившись в этот диалог, прошел все ступени опыта, на которых он должен встретиться и с разными рассказчиками. При этом их «сообщения» различаются не только способом изложения материала (что непосредственно обусловлено различием точек зрения, с которых они наблюдают за движением опыта), но и особенностями лексики и стилистики повествования в различных частях текста, представляющих собой «высказывания» участников «диалога» на различных этапах движения опыта. Специфика субъекта повествования (в которой трудно разобраться, особенно обращаясь лишь к переводам труда Гегеля на другие языки¹) – и станет вначале предметом нашего рассмотрения, после чего мы обратимся к вопросу о ее связи с универсальными формами опосредствования предметности в «опыте сознания». Исследователь в качестве факторов, влияющих на определение метода интерпретации гегелевского труда, должен принимать не только разнородность его тематики и вынужденную спешку, не позволившую Гегелю, по его собственному признанию, достичь должного совершенства «формы» произведения², но и установленное и последовательно выдержанное автором разграничение между участниками «феноменологического диалога» и приводимыми благодаря их активности в движение образами сознания; «собеседники» как бы последовательно «берут слово» на сменяющих друг друга этапах опыта и становятся пусть и «сконструированными», но в границах своих разделов вполне самостоятельными субъектами повествования.

Однако о каких участниках «феноменологического диалога» идет речь? Какова структура субъекта опыта? Как нередко случается, ответ на подобные вопросы в действительности лежит «на поверхности», т.е. представлен в самом изучаемом тексте, и нужно только увидеть его в качестве «ответа», понять значимость, казалось бы, известных формул, в которых до сих пор не видели лишь того, что они отвечают на вопросы, не ставившиеся прежде интерпретаторами. Итак, прочитаем первое предложение основного текста: «Знание, которое первоначально или непосредственно составляет наш предмет, само не может быть ни чем иным, как непосредственным знанием, знанием непосредственного или сущего»³. Гегелевская формула указывает на сознание автора и читателя – «наше сознание», для которого будет развиваться предстоящее движение, сознание, составляющее «наш» пред-

¹ К примеру, К.Р. Дав отмечал, что в процессе описания в «Феноменологии» того аспекта опыта, который доступен и исследуемому сознанию, используется дательный падеж, а в процессе описания движения, в ходе которого (первоначально только для «феноменолога», наблюдающего сознания) открывается также и процесс возникновения нового предмета, – винительный падеж (см.: *Dove K.R. Die Epoche der Phänomenologie des Geistes // Hegel-Studien. Beiheft 11. Bonn, 1983. S. 605–621*). Однако передать систематически эту важнейшую «формальную» особенность гегелевского текста в переводе, например, на русский язык было бы крайне трудно.

² В письме Шеллингу Гегель говорит о «безотрадной путанице», которая не только захватила весь процесс печатания «Феноменологии», но «отчасти сказалась и на композиции книги», с сожалением признавая допущенное под влиянием внешних обстоятельств «нарушение формы в последних частях» (см.: *Гегель Г.В.Ф. Письма // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971. С. 271*).

³ *Hegel G.W.F. Phänomenologie des Geistes. Stuttgart, 1987. S. 79*. Здесь и далее оригинал «Феноменологии духа» цитируется по изданию, воспроизводящему текст историко-критического издания (см.: *Hegel G.W.F. Gesammelte Werke. Bd. 9: Phänomenologie des Geistes. Hamburg, 1980*), однако более доступному для отечественного читателя.

мет, – «само сознание» и «его» предмет – «непосредственное или сущее». Таким образом, уже здесь Гегель указывает на «наблюдающее» и «наблюдаемое» сознание, а с момента выхода за границы первоначального замысла «Науки опыта сознания», т.е. с начала VI главы, – и на самосознание предмета рассматриваемого сознания как на самостоятельных рассказчиков, которые во взаимодействии и составляют единый субъект опыта; как видим, Гегель, подобно другим «драматургам», с самого начала знакомит читателя с «действующими лицами» предстоящего повествования, настраивая его на точное различение их «голосов». И читателю предстоит, следуя за автором, выявить в своем сознании (поскольку никакого другого сознания, кроме нашего собственного, в качестве предмета наблюдения у нас нет) три указанных «уровня сознания» и возвести их в статус субъекта повествования, представить в образе рассказчиков. Уже в этом пункте становится понятным, что задача этой необычной книги – прояснение и «структурирование» сознания читателя, его «образование». И поскольку каждый из уровней пребывает в исходном единстве сознания (автора и читателя), результат с логической точки зрения оказывается одним и тем же (бесконечность»), тогда как структура конституируемой предметности, напротив, усложняется на протяжении всего повествования (в противном случае «Наука опыта сознания» должна была бы завершиться, пройдя один «круг»).

Как Гегель показывает в последних параграфах «Введения», в соответствии с указанным «распределением ролей» опыт, завершающийся достижением «бесконечности», совершает сначала «наше сознание», затем «само сознание» и, наконец, «предмет». Кончено, феноменологическое движение недопустимо понимать упрощенно, так, будто его этапы могут быть представлены в качестве независимых друг от друга частей. На самом деле в процессе опыта все «участники диалога» взаимодействуют, но при этом необходимым условием осмысления структуры и динамики этого сложного драматического действия является точное разграничение их «высказываний» и видение их в качестве завершающегося «Абсолютным знанием» целого. По словам самого автора, только-только закончившего работу над книгой, «Феноменология» – целое, которое «по самой своей природе представляет собой... переплетение переходов»⁴.

Итак, «Феноменология духа» не столько предоставляет некую «информацию» о мире и познающем его и действующем в нем человеке (разделы, в которых Гегель не успел избавиться от соответствующих фрагментов или хотя бы свести их к предельно лаконичным формулам, он признает в конце концов наименее успешными)⁵, сколько восстанавливает в качестве целого структуру сознания, что делает возможным и саморефлексию читателя, первоначально – «естественного сознания», – включающегося в этот процесс⁶.

⁴ Гегель Г.В.Ф. Письма. С. 271.

⁵ «Включение частных, как я чувствую, повредило усмотрению целого» (Там же).

⁶ Конечно, всякая настоящая философия побуждает к саморефлексии, для которой редко обнаруживается повод в привычном человеку мире. Как замечает М.К. Мамардашвили, «мы видим причинно-следственную связь и не видим себя как часть того порядка, который, свершившись в качестве порядка, позволил нам увидеть причинно-следственную связь в мире» (Мамардашвили М.К. Кантовские вариации. М., 2002. С. 174). Кант и Гегель лишь завершают ту традицию «сосредоточения внимания» на «избыточном» для мира мыслящем и действующем субъекте, которая формировалась на протяжении всей истории развития философии.

Поэтому рассмотрение «Феноменологии духа» с точки зрения специфики структуры субъекта опыта, требующей разграничения участников повествования и реконструкции связывающего их «диалога», представляется чрезвычайно значимым в качестве основы анализа также и всех содержательных, предметных аспектов произведения.

Повторим, что динамика повествования определяется местом, которое занимает в структуре опыта «наше сознание», поскольку именно оно обеспечивает ему «опережающую» роль на протяжении всего движения «Феноменологии». Часто указывающая на направление развития сюжета активность «нашего сознания» выступает непосредственно, как, например, в знаменитом месте I главы, где Гегель говорит, что «мы» должны «заставить» «само сознание» показать нам те «здесь» и «теперь», которые оно подразумевает⁷. Во «Ведении» Гегель показывает, что «наше сознание» «на один шаг» опережает «само сознание», потому что видит возникновение его предмета, – процесс, недоступный для рассматриваемого сознания, происходящий «как бы за спиной сознания»⁸; то, что «самому сознанию» предстает в опыте «только в качестве предмета», для «нашего сознания» выступает «вместе с тем и в качестве движения и становления»⁹. «Наше сознание», не будучи «вплетено» в этот процесс, оказывается избавленным от сопровождающих всякий опыт ошибок, а значит, и раньше, чем «само сознание», видит «траекторию» дальнейшего развития опыта. Благодаря тому, что «наше сознание» освобождается от непосредственной связи с предметом (смотрит на него «глазами “самого сознания”»), оно видит также и необходимость всей последовательности образов сознания, то есть возвышает «опыт сознания» до систематической формы, до «науки».

Поэтому и читатель, погружаясь в этот необычный текст, должен с самого начала отдавать себе отчет в «диалогическом» характере гегелевского повествования, различать «реплики» трех указанных «персонажей», последовательно отождествляя с ними свой взгляд на движение опыта. «Голоса» каждого из них обладают индивидуальностью, соответственно, и интерпретатору следует постараться распознать их, адекватно понять и передать с помощью языка своей эпохи и своей культуры. И подобно тому, как в движении «опыта сознания», откликаясь на жест автора-«режиссера», каждый из «актеров» – каждое сознание – точно сыграл свою роль в представленном «Феноменологией» «спектакле», так и продуктивная интерпретация может состояться лишь в том случае, если удастся не допустить смешения их «голосов», воспроизвести «объемность» всего повествования.

Хотя упомянутые здесь вопросы интерпретации «Феноменологии» не принадлежат к числу интенсивно обсуждаемых в современном гегелеведении, определение исследователем собственной позиции предполагает учет уже высказанных оценок проблемы и состоявшихся дискуссий. Важный шаг в изучении структуры и динамики «опыта сознания» сделал упомянутый уже К.Р. Дав, показавший принципиальное значение точки зрения автора и читателя для осознания специфики метода «Феноменологии духа»¹⁰. Близкие подходы нашли отражение и в публикациях Ж. Говена¹¹,

⁷ См.: Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. IV: Феноменология духа. М., 1959. С. 55.

⁸ Там же. С. 49.

⁹ Там же. С. 50.

Д.М. Перри¹², Т.М. Костелло¹³. В немецком гегелеведении на роль «нашего сознания» как инициатора феноменологического движения и систематизатора «опыта», выявляющего его «научный» характер, наиболее последовательно указывалось в глубоких работах В. Маркса¹⁴. Существенным недостатком этих попыток различения «двух модусов» сознания оставалось, однако, то, что исследователи не делали из него необходимых выводов о структуре произведения, его отношении к «зрелой» системе Гегеля, особенностях языка «Феноменологии», которые невозможно объяснить без учета его диалогичности. Между тем без решения этих проблем вряд ли возможно увидеть уникальность «Феноменологии» на фоне других произведений философа и всей современной ей философской литературы.

Кроме того, никто из известных нам исследователей не рассматривает в качестве самостоятельного субъекта опыта собственно «предмет», то «в-себе-бытие», которое выступает первоначально для «нашего сознания» (в связи с чем Гегель в тексте и отождествляет постоянно «в-себе» и «для нас»), а затем предстает и «самому сознанию» и, наконец, с VI главы разворачивается как самостоятельное движение субстанции, духа в качестве «абсолютно реальной сущности». По отношению к ней все предшествующие образы сознания выступают с этого момента в качестве «абстракций», в логическом смысле – предикатов действительного субъекта феноменологического повествования. Игнорируя эту тему, гегелеведы, по существу, проходят мимо столь ясно представленного самим философом в начале VI главы различия между «образами только сознания» и «образами некоторого мира»: «Дух... есть сама себя поддерживающая абсолютная реальная сущность. Все предшествующие образы сознания являются его абстракциями; они состоят в том, что дух анализирует себя, различает свои моменты и останавливается на каждом. Это изолирование таких моментов предполагает его самого в качестве *предпосылки* и *опоры* (*Bestehen*), или оно существует лишь в нем, который есть существование»¹⁵. Начиная с этого момента новые «станции» феноменологического движения выступают уже как «реальные духи, действительности в собственном смысле», в связи с чем Гегель и говорит о них как об «образах некоторого мира», а не «образах только сознания»¹⁶.

Приближение к пониманию значимости структурных, «формальных» аспектов гегелевского труда до сих пор сталкивалось и с тем затруднением, что исследователи не видели в авторско-читательском «мы» «объективную инстанцию» текста, сводили значение «мы» («для нас») к «личной позиции» Гегеля (или, реже, к некоей «абсолютной» точке зрения на предмет, которая

¹⁰ Dove K.R. Hegel's Phenomenological Method // The Review of Metaphysics. 1970. Vol. 23. Issue 4. P. 615–641.

¹¹ Gauvin J. Le «für uns» dans la Phénoméologie de l'Esprit // Archives de philosophie. 1970. Vol. XXXIII. P. 829–854.

¹² Parry D.M. Hegel's Phenomenology of the «We». N.Y., 1988.

¹³ Costelloe T.M. Science, Consciousness and the «We» in Hegel's Phenomenology of Spirit // International Studies in Philosophy. 2000. Vol. 32. Issue 2. P. 15–27.

¹⁴ Marx W. Die Dialektik und die Rolle des Phänomenologen // Hegel-Jahrbuch. 1974. Köln, 1975. S. 381–387; *Idem*. Hegels Phänomenologie des Geistes. Die Bestimmung ihrer Idee in «Vorrede» und «Einleitung». Fr. a/M., 1981. S. 94–128.

¹⁵ Hegel G.W.F. Phänomenologie des Geistes. S. 311.

¹⁶ *Ibid.* S. 312.

якобы доступна философу с самого начала повествования). Однако некоторые авторы не могли не заметить при этом естественные границы в описании опыта «самого сознания» и его оценку философом, а также делали правильные выводы о роли «философской рефлексии» в движении опыта. Так, В. Бонсипен говорит о «центральной роли философа» в процессе опыта, о том, что сознание предводительствуется философом, в частности, «возникновение нового действительного предмета и сопровождающее его “обращение сознания” осуществляется благодаря деятельности философа»¹⁷. Отмеченное обстоятельство важно для верного понимания требуемой «Феноменологией» «стратегии чтения», на которую указывает содержащееся во втором предложении основного текста требование «ничего не изменять» в «знании непосредственного или сущего», которое первоначально выступает в качестве предмета рассмотрения, и воздерживаться от привнесения понятийного мышления в процесс его рассмотрения¹⁸. Это требование, однако, относится только к историческим и индивидуальным составляющим сознания автора и читателя, оно не отменяет активности субъекта вообще, субъекта как трансцендентальной структуры, «вмонтированной» в сам текст, и не должно препятствовать пониманию ведущей роли «нашего сознания» как инстанции повествования. Именно «наше сознание» – в качестве единства «реальных» и трансцендентальных составляющих – выступает источником и инициатором систематически описываемого в «Феноменологии» опыта, проникающего вглубь содержания сознания и последовательно конституирующего все более конкретные «слои» предметности.

Время, история и «воспоминание» как ступени самопознания духа в феноменологическом опыте

Учет места рассказчика в структуре субъекта «опыта сознания» как целого оказывается принципиально важным для понимания идеи, основной направленности «Феноменологии духа». Однако любой «формальный» принцип интерпретации может оцениваться в качестве плодотворного только в том случае, если он позволяет лучше разобраться в реальной «ткани» текста, строка за строкой вскрывая смысл, таящийся в образующих его высказываниях. Значение «метода» прочтения определяется, таким образом, лишь тем, насколько новыми и существенными оказываются результаты его использования в решении конкретных исследовательских задач. В нашем случае учет разграничения между высказываниями «нашего сознания», «самого сознания» и «предмета» позволяет не только дать нетривиальное решение проблемы структуры произведения и описать его отношение к «зрелой» системе Гегеля¹⁹, но и раскрыть его диалогический характер. В настоящей статье мы сосредоточимся, однако, лишь на том следствии представленного понимания структуры субъекта опыта, которое позволяет выявить смысл «времени», «истории» и «воспоминания». В целом можно сказать, что эти

¹⁷ *Bonsiepen W. Dialektik und Negativität in der Phänomenologie des Geistes // Hegel-Jahrbuch. 1974. Köln, 1975. S. 265.*

¹⁸ *Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. С. 51.*

¹⁹ *Коротких В.И. «Феноменология духа» и проблема структуры системы философии в творчестве Гегеля. М., 2011.*

концепты выступают в «Феноменологии» в качестве ступеней «погружения» в конституируемую сознанием предметность, соответствующих «нашему сознанию», «самому сознанию» и «предмету»; вспомним, что единство «формального» результата каждого из этапов опыта («бесконечность»), указывающее на «циклические» соответствия в развитии повествования, дополняется последовательностью, образуемой в процессе достижения этого результата тремя субъектами опыта («линейное» движение опыта как целого); и, в конце концов, в завершающем все движение «Абсолютном знании» дух сознает свой путь не только как «историю», в которой его предшествующие образы сохраняются лишь «со стороны их свободного наличного бытия, являющегося в форме случайности», но и как «феноменологию», в которой их «царство» «организуется», «постигается в понятии»²⁰.

То, что первоначально воспринимается сознанием как время²¹, универсальная форма опосредствования бытия и инаковости, затем предстает в форме истории, бесконечно разнородной экстенсивной последовательности, сливающейся в непосредственно переживаемое существование индивидуальности, а далее, на уровне духа как «глубинной предметности», выступает в качестве «воспоминания», «самоуглубления» сознания, прошедшего весь путь своего «образования». Увидеть единство указанных концептов вне ясного понимания статуса субъектов опыта, все глубже описывающих конституируемую предметность, было бы крайне сложно. В самом деле, почему, начиная со «времени», мы через «историю» должны непременно приходить к «воспоминанию»? «Линейные» соответствия в тексте просматриваются тогда, когда мы определяем границы образуемых движением отдельных субъектов повествования «кругов», и при этом выявляется, что рассматриваемые концепты играют в них сходную роль – охватывают пройденные этапы, выявляя достигаемую степень конкретизации предметности. Таким образом, «иерархия» в структуре субъекта опыта открывает и порядок смены в процессе его движения универсальных моделей опосредствования предметности – времени, истории, «воспоминания». Акцент, который в VIII главе Гегель делает на «воспоминании», убеждает в том, что «Феноменология духа» в целом представляет собой завершающуюся универсальной само-рефлексией субъекта форму описания опыта сознания как становящегося (исторического) целого, единственный в границах философского познания (во всяком случае, так считал Гегель в йенский период творчества) путь постижения рождения духа как источника всякой реальности, вслед за которым только и может начаться его «спекулятивная экспликация» в «Логике»²².

Уже благодаря времени как базовому концепту, определяющему постижение моментов целого, которые в нем выступают, появляется возможность

²⁰ См.: Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. С. 434.

²¹ Хотя понимание времени как универсальной формы деятельности сознания характерно для всего послекантовского идеализма, что было обусловлено возвращением в философию темы Абсолюта (время теряет характер «субъективной данности», и возникает необходимость демонстрации его происхождения из деятельности Абсолюта), только в «Феноменологии» сознание, «расслаиваясь» в процессе моделирования опыта на три указанных модуса, позволяет увидеть «глубину» времени, понять историю как его проекцию на сферу социальных отношений, в которых только и может раскрыться содержание субъективности, осознаваемое в «воспоминании».

²² Verene D.Ph. Hegel's Absolute: An Introduction to Reading the Phenomenology of Spirit. Albany, 2007.

увидеть связь всеобщего с особенным (то, что Гегель в соответствии с терминологией формальной логики называет «средним термином силлогизма»), а философскому рассмотрению предметности – обретать все большую степень конкретности. Однако центральным среди указанных трех понятий, несомненно, является понятие истории. О специфике истолкования истории в «Феноменологии» можно судить по, казалось бы, лишь косвенному упоминанию о ней в знаменитом фрагменте V главы, в котором Гегель провозглашает свое (столь часто подвергавшееся критике) положение о том, что у живой природы «нет истории»²³. Обратим внимание на то, что сравнение истории и органического как «средних терминов силлогизма» для «нашего сознания» демонстрирует не только то, что у мира живой природы «нет истории», поскольку ее «средний термин» не обладает действительностью, «субстанциальностью» (жизнь как всеобщее в органической природе непосредственно ниспадает в единичность наличного бытия), но и то, что привычная история событий и деяний – лишь предметное наличное бытие «глубинной» системы «гештальтов» сознания, которая и раскрывается в «Феноменологии духа»: всемирную историю Гегель представляет в качестве системы образов сознания («организации царства духов»), о которой мы обычно судим только по внешним проявлениям. История в ее непосредственном облике лишь отражает в форме «случайных» событий и действий индивидов более фундаментальный и исключительно духовный процесс, а понять историю означает воспроизвести этот процесс как внутреннее содержание того, что в привычном виде дано лишь внешним образом.

Представленный вывод и определяет ту принципиальную роль, которую в «Феноменологии» получает «воспоминание» (*die Erinnerung*). Д.Ф. Вирин справедливо соотносит «воспоминание» не только с *the recollection*, накоплением образов сознания, но и с *the inwardizing*, проникновением «вглубь» осваиваемого содержания сознания, замечая, что и «Феноменология» в целом может быть представлена как «процесс самоуглубления субъекта»²⁴. Поэтому во времени, утверждает Гегель, «реальная история» выступает прежде, чем осуществляющееся с помощью проникновения в ее суть осмысление в форме феноменологии духа, но только последнее позволяет действительно понять время и историю.

Таким образом, на фундаменте «воспоминания» у Гегеля выстраивается «феноменология истории», оставшаяся до сих пор, кажется, не замеченной никем из интерпретаторов. В самом деле, субстанция истории здесь – не понятие, а образы («гештальты») сознания, сводить их к понятиям недопустимо, следовательно, и отождествлять «феноменологию истории» с последующим лекционным курсом «Философии истории» также нельзя. Кроме того, «Феноменология духа» имеет сложную линейно-циклическую структуру²⁵, а значит, встает проблема оценки специфики гегелевского подхода к постижению истории в каждом из разделов «Феноменологии». И уже первый взгляд на формулировки различных частей текста, в которых указывается на роль времени и истории в феноменологическом движении, открывает, как много в гегелевских суждениях нетривиального и до сих пор

²³ *Hegel G.W.F. Phänomenologie des Geistes. S. 216.*

²⁴ *Verene D.Ph. Hegel's Recollection: A Study of Images in the Phenomenology of Spirit. Albany, 1985. P. 3.*

²⁵ См.: Коротких В.И. «Феноменология духа». С. 232–321.

не исследованного историками философии, насколько существенно способен обогатить наши представления о гегелевском «историзме» анализ «Феноменологии» с указанной точки зрения.

Однако кульминацией развития «феноменологии истории» оказываются последние фрагменты VIII главы, в которых постижение единства времени, истории и «воспоминания» выступает в качестве результата, ничуть не менее важного, чем движение сознания к спекулятивной предметности, открывающее простор разворачиванию логической идеи. «Феноменология истории» – это как бы взгляд, который философ бросает назад, осматривая (в «воспоминании») еще раз весь путь состоявшегося «путешествия за открытиями», а «Наука логики» – открытая благодаря завершению «опыта сознания» «новая страна», сфера не сдерживаемой более чуждой сознанию предметностью активности духа. В отличие от «Логики», «снимающей» время и «выпадающей» из истории, в «феноменологии истории» время живо, «дух необходимо является во времени, и является до тех пор во времени, пока не *постигнет* свое чистое понятие, то есть пока не преодолет время... – Поэтому время выступает как судьба и необходимость духа, который не завершен в себе»²⁶. Вместе с тем именно с такого концепта, как время, определяющего форму не только внешнего, но и внутреннего опыта, начинается путь к «воспоминанию» как способу постижения смысла «случившихся» в истории событий, «снятию» ее в спекулятивном знании.

Если выше отмечалось, что к вопросу о специфике субъекта «опыта сознания» исследователи обращались редко, то относительно вопроса о значимости понимания структуры субъекта для характеристики времени, истории и «воспоминания» как базовых концептов произведения можно сказать, что он до сих пор в гегелеведении вообще не ставился, хотя значение «воспоминания» для описания образно-понятийного строя «Феноменологии», как уже упоминалось, было весьма ярко представлено Д.Ф. Вирином. В большинстве публикаций, в которых упоминаются понятия времени, истории, «воспоминания», выступающие на первый план в завершающих VIII главу параграфах, исследователи ограничиваются раскрытием положения о снятии «времени» и «истории» в «Абсолютном знании»²⁷, отказываясь, по существу, от осмысления того, почему же Гегель уделяет здесь основное внимание концептам, которые «остаются в прошлом» движения системной мысли, не переходят в «Логик». Невнимание к пройденному пути как условию спекулятивно-конкретной мысли «Логики» может показаться странным, особенно в связи с тем, что гегелевские формулы «Предисловия», гласящие, что значимым в философии является не только результат, но и ведущий к нему путь, общеизвестны. Думается, причины подобного невнимания обусловлены прежде всего абстрактным пониманием характера преодоления «предметной стихии» в разработанной Гегелем модели идеализма.

²⁶ Hegel G.W.F. *Phänomenologie des Geistes*. S. 560.

²⁷ Flay J.C. Time in Hegel's Phenomenology of Spirit // *International Philosophical Quarterly*. 1991. Vol. 31. P. 259–273; Baptist G. Das absolute Wissen: Zeit, Geschichte, Wissenschaft // Hegel G.W.F. *Phänomenologie des Geistes*. Berlin, 2006. S. 245–262; Hegel on Recollection: Essays on the Concept of Erinnerung in Hegel's System. Newcastle, 2013; Blumenfeld J. The Abolition of Time in Hegel's «Absolute Knowing» // *Idealistic Studies*. 2013. Vol. 43. Issues 1–2. P. 11–119.

Обратимся в этой связи к словам автора, вышедшего за рамки «профессионального гегелеведения», поскольку в них получило отражение некое «общее впечатление» о гегелевской философии, столь распространенное и влиятельное, что игнорировать его недопустимо и для историка философии. Речь идет о формуле М.К. Мамардашвили из его курса о кантовской философии: «Гегель и построил свою концепцию развития, изложив ее в “Феноменологии духа”, где речь шла не о последовательном эмпирическом развитии, а о некотором развитии живых образований, которые я называю онтологическими абстракциями порядка, разворачивающимися в четвертом измерении. Безумие же Гегеля состояло в том, что он представил это, во-первых, как некий завершающийся процесс реального в какой-то момент выпадения человека из измерения истории и перепада его в такое измерение, где время вообще не имеет смысла. Гегель не считал, конечно, что реальная история кончается как эмпирическая история, он просто полагал, что наступает то, к чему неприменим термин “время”. Как бы Царство Божие, реализованное на земле и потому в терминах времени нерасчленимое и нерасчленимое внутри самого себя. Вот вам и так называемая концепция развития»²⁸. Первый вопрос, который возникает после знакомства с этим фрагментом, состоит в том, что же это за «четвертое измерение», с чем его следует соотносить – с «понятием» (*der Begriff*) или же с «образом» (*die Gestalt*)? Ведь впечатление о «безумии» Гегеля возникает в том случае, если, переворачивая последнюю страницу «Феноменологии», мы «забываем» о «земном пути» становления духа, как бы по мановению волшебной палочки переносимся «на небеса», в ту сферу, где господствует спекулятивная мысль и не остается никаких следов чувств, страданий, следов самого человека, который «снимает» себя во временном, историческом бытии, освобождая тем самым место для бытия духа. И чтобы подобного «забвения» не случилось, «время» и «история» и заключаются в Феноменологию – «чащу... царства духов»²⁹, над которой всегда витает сохраняющее тепло человеческой души «воспоминание».

Заключение

Как мы пытались показать, рассмотрение проблемы субъекта феноменологического движения имеет принципиальное значение для понимания процесса смены форм опосредствования конституируемой сознанием предметности. Диалогический характер «Феноменологии» побуждает учитывать специфику каждого из рассматриваемых субъектов в связи с соответствующими им типами предметности. Анализ времени, истории и «воспоминания» в соотношении со структурой субъекта «опыта сознания» позволяет увидеть взаимосвязь «формальных» и содержательных аспектов повествования, зависимость динамики становления духа от «организации» опыта, а тем самым и понять необходимость интерпретации отдельных сюжетов произведения в контексте целостного взгляда на его предмет и метод. Решение этой задачи, в свою очередь, приближает историко-философскую науку к преодолению тенденций избирательности и фрагментарности интерпретаций

²⁸ Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. С. 282.

²⁹ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. С. 434.

«Феноменологии духа», столь характерных для гегелеведения последних десятилетий.

Вместе с тем главным результатом реализации представленного подхода, значимым для понимания гегелевской философии в целом, оказывается вывод о неадекватности «логицистского» взгляда на философию Гегеля, игнорирующего значимость первого фундаментального труда философа для построения системы философии, взгляда, в котором безжалостно нивелируются содержательные, методологические, стилистические особенности «Феноменологии». Думается, стратегия интерпретации этого уникального философского труда должна ориентироваться на последовательно трансцендентальный метод анализа «опыта сознания», в соответствии с которым сознание, с одной стороны, освобождается от «эмпирической истории», а с другой стороны, его структурные характеристики как раз и оказываются определяющими для гегелевских поисков дальнейшего пути построения системы философии; в таком случае «опыт сознания», оставаясь основанием философской системы, уже не исчезает в «вихре» логических категорий; последние, как показывает судьба «энциклопедической системы», утратив связь с породившей их стихией опыта, сами оказываются перед необходимостью «натурализации», соотношения их бытийного статуса с природой и конечным духом, что вызывает деградацию йенского проекта «Системы науки» и последующий кризис системной мысли Гегеля. Думается, отмеченные обстоятельства должны побуждать исследователя к внимательному изучению «Феноменологии духа» как самобытного и «неснимаемого» элемента системно-философской мысли Гегеля и поиску адекватных средств интерпретации, опираясь на которые читатель также смог бы пройти по «лабиринтам строк» «Феноменологии», чтобы – в соответствии с замыслом автора – стать способным прочесть и понять «сообщение» о предпринятом философом «путешествии за открытиями», поскольку без подобного собеседника – следующего по стопам автора читателя – и самый совершенный дух обречен оставаться «безжизненным и одиноким»³⁰.

Список литературы

- Гегель Г.В.Ф. Письма / Пер. с нем. Ц.Г. Арзаканьяна и А.В. Михайлова // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. М.: Мысль, 1971. С. 211–528.
- Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. IV: Феноменология духа / Пер. с нем. Г.Г. Шпета. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. 440 с.
- Коротких В.И. «Феноменология духа» и проблема структуры системы философии в творчестве Гегеля. М.: ИНФРА-М, 2011. 383 с.
- Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. М.: Аграф, 2002. 320 с.
- Baptist G. Das absolute Wissen: Zeit, Geschichte, Wissenschaft // Hegel G.W.F. Phänomenologie des Geistes. Berlin: Akademie-Verlag, 2006. S. 245–262.
- Blumenfeld J. The Abolition of Time in Hegel's «Absolute Knowing» // Idealistic Studies. 2013. Vol. 43. Issues 1–2. P. 11–119.
- Bonsiepen W. Dialektik und Negativität in der Phänomenologie des Geistes // Hegel-Jahrbuch. 1974. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1975. S. 263–267.
- Costelloe T.M. Science, Consciousness and the «We» in Hegel's Phenomenology of Spirit // International Studies in Philosophy. 2000. Vol. 32. Issue 2. P. 15–27.

³⁰ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. С. 434.

- Dove K.R. Die Epoche der Phänomenologie des Geistes // Hegel-Studien. Beiheft 11. Bonn: Bouvier Verlag, 1983. S. 605–621.
- Dove K.R. Hegel's Phenomenological Method // The Review of Metaphysics. 1970. Vol. 23. Issue 4. P. 615–641.
- Flay J.C. Time in Hegel's Phenomenology of Spirit // International Philosophical Quarterly. 1991. Vol. 31. P. 259–273.
- Gauvin J. Le «für uns» dans la Phénoméologie de l'Esprit // Archives de philosophie. 1970. Vol. XXXIII. P. 829–854.
- Hegel G.W.F. Phänomenologie des Geistes. Stuttgart: Philipp Reclam jun, 1987. 596 S.
- Hegel G.W.F. Gesammelte Werke. Bd. 9: Phänomenologie des Geistes / Hrsg. von W. Bonsiepen und R. Heede. Hamburg: Felix Meiner, 1980. 526 S.
- Hegel on Recollection: Essays on the Concept of Erinnerung in Hegel's System / Ed. by V. Ricci, F. Sanguinetti. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2013. 260 p.
- Marx W. Die Dialektik und die Rolle des Phänomenologen // Hegel-Jahrbuch. 1974. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1975. S. 381–387.
- Marx W. Hegels Phänomenologie des Geistes. Die Bestimmung ihrer Idee in "Vorrede" und «Einleitung». Fr. a/M.: Vittorio Klostermann, 1981. 136 S.
- Parry D.M. Hegel's Phenomenology of the "We". N.Y.: P. Lang, 1988. 272 p.
- Verene D.Ph. Hegel's Absolute: An Introduction to Reading the Phenomenology of Spirit. Albany: State University of New York Press, 2007. 131 p.
- Verene D.Ph. Hegel's Recollection: A Study of Images in the Phenomenology of Spirit. Albany: State University of New York Press, 1985. 148 p.

The structure of the subject of “experience of consciousness” and the way of comprehending the spirit in Hegel's philosophy: time, history, “recollection”

Vyacheslav I. Korotkikh

Bunin Yelets State University. 28 Kommunarov Str., Yelets, Lipetsk region, 399770, Russian Federation; e-mail: shortv@yandex.ru

The object of investigation in this paper is the significance of the structure of the narrator in Hegel's "Phenomenology of Spirit" for understanding the content of the basic concepts of the work – time, history, "recollection". This structure is determined by the correlation between the consciousness of the author and that of the reader, consciousness itself as an object of consideration and its own object. Each of the narrators goes through the same path from the point of view of logical content ("circle" of "experience of consciousness") but at the same time, objectivity itself is constantly becoming more complex. Time, history and "recollection" are the concepts of "experience of consciousness", which act as universal object equivalents of experience, corresponding to the specified kinds of narrators. They reflect the movement of consciousness towards comprehending the spirit, this movement not only determines the main plot of "Phenomenology of Spirit", but also retains its significance for the entire philosophy of Hegel. The need to recognize the dialogical nature of the "Phenomenology of Spirit" is determined by the fact that the meaning of the narrative as a whole is made up of roll calls that arise as a result of the reproduction of the same plots of experience from different points of view, and on this basis there is an ascent to the spirit and the "recollection" that embraces it. The analysis of the consideration of time, history and "recollection" as forms of objectivity of "experience of consciousness" shows that Hegel also developed a "Phenomenology of History" that is fundamentally different from the well-known course "Philosophy of History": the movement of images of consciousness acts as a deep layer of the historical process in it, which is reproduced in "recollection" as the historical equivalent of "Logic".

Keywords: Hegel's philosophy, "Phenomenology of Spirit", experience of consciousness, the subject of experience, the concept of infinity, time, history, recollection

For citation: Korotkikh, V.I. "Struktura sub"ekta 'opyta soznaniya' i put' postizheniya dukha v filosofii Gegelya: vremya, istoriya, 'vospominanie'" [The structure of the subject of 'experience of consciousness' and the way of comprehending the spirit in Hegel's philosophy: time, history, 'recollection'], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 1, pp. 37–50. (In Russian)

References

- Baptist, G. "Das absolute Wissen: Zeit, Geschichte, Wissenschaft", in: G.W.F. Hegel, *Phänomenologie des Geistes*. Berlin: Akademie-Verlag, 2006, S. 245–262.
- Blumenfeld, J. "The Abolition of Time in Hegel's 'Absolute Knowing'", *Idealistic Studies*, 2013, Vol. 43, Issues 1–2, pp. 11–119.
- Bonsiepen, W. "Dialektik und Negativität in der Phänomenologie des Geistes", *Hegel-Jahrbuch*, 1974. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1975, S. 263–267.
- Costelloe, T.M. "Science, Consciousness and the 'We' in Hegel's Phenomenology of Spirit", *International Studies in Philosophy*, 2000, Vol. 32, Issue 2, pp. 15–27.
- Dove, K.R. "Die Epoche der Phänomenologie des Geistes", *Hegel-Studien*, Beiheft 11. Bonn: Bouvier Verlag, 1983, S. 605–621.
- Dove, K.R. "Hegel's Phenomenological Method", *The Review of Metaphysics*, 1970, Vol. 23, Issue 4, pp. 615–641.
- Flay, J.C. "Time in Hegel's Phenomenology of Spirit", *International Philosophical Quarterly*, Vol. 31, 1991, pp. 259–273.
- Gauvin, J. "Le 'für uns' dans la Phénoméologie de l'Esprit", *Archives de philosophie*, 1970, Vol. XXXIII, pp. 829–854.
- Hegel, G.W.F. "Pis'ma" [Letters], trans. by C.G. Arzakan'yan and A.V. Mihajlov, in: G.W.F. Hegel, *Raboty raznyh let* [Works of different years], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1971, pp. 211–528. (In Russian)
- Hegel, G.W.F. *Phänomenologie des Geistes*. Stuttgart: Philipp Reclam jun, 1987. 596 S.
- Hegel, G.W.F. *Gesammelte Werke, Bd. 9: Phänomenologie des Geistes*, hrsg. von W. Bonsiepen und R. Heede. Hamburg: Felix Meiner, 1980. 526 S.
- Hegel, G.W.F. *Sochineniya, T. 4: Fenomenologiya duha* [Works, Vol. 4: Phenomenology of Spirit], trans. by G.G. Spet. Moscow: Socehgiz Publ., 1959. 440 pp. (In Russian)
- Korotkikh, V.I. 'Fenomenologiya dukha' i problema struktury sistemy filosofii v tvorchestve Gegelya ['Phenomenology of Spirit' and the problem of the structure of philosophy system in Hegel's works]. Moscow: INFRA-M Publ., 2011. 383 pp. (In Russian)
- Mamardashvili, M.K. *Kantianskie variacii* [Kantian variations]. Moscow: Agraph Publ., 2002. 320 pp. (In Russian)
- Marx, W. "Die Dialektik und die Rolle des Phänomenologen", *Hegel-Jahrbuch*, 1974. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1975, S. 381–387.
- Marx, W. *Hegels Phänomenologie des Geistes. Die Bestimmung ihrer Idee in 'Vorrede' und 'Einleitung'*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1981. 136 S.
- Parry, D.M. *Hegel's Phenomenology of the 'We'*. New York: P. Lang, 1988. 272 pp.
- Ricci, V. & Sanguinetti, F. (eds.) *Hegel on Recollection: Essays on the Concept of Erinnerung in Hegel's System*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2013. 260 pp.
- Verene, D.Ph. *Hegel's Absolute: An Introduction to Reading the Phenomenology of Spirit*. Albany: State University of New York Press, 2007. 131 pp.
- Verene, D.Ph. *Hegel's Recollection: A Study of Images in the Phenomenology of Spirit*. Albany: State University of New York Press, 1985. 148 pp.